говорить со зрителями ни о чем серьезном. Из всех возможных задач он выбрал одну — смешить, развлекать. Любой ценой, любыми способами, жертвуя логикой и вкусом, профессиональным достоинством, добрым именем. И, смеша, добиться финансового успеха.

Зритель не Каминводах особый. Это ему, в частности, совершенно серьезно рекомендует одна из книжек «Советы врача»: «При организации отдыха необходимо учитывать целый ряд деталей: не следует увлекаться чтением литературы с описанием тяжелых жизненных ситуаций, трагическими коллизиями, это же относится и к содержанию кинофильмов, драматических и оперных постановок. Искусство оказывает чрезвычайно большое влияние на организм человека, и массивные дозы трагического могут неблагоприятно сказаться на состоянии здоровья».

Как жаль, что врачи не сообщили об отрицательном (надеюсь!) влиянии на состояние здоровья «массивных доз» пошлости. Быть может, тогда, составляя репертуар гастролей, руководители Саратовского театра вычеркнули бы из него хотя бы «Женский монастырь» и уж во всяком случае не сделали бы этот спектакль одним из главных гвоздей гастролей.

Если бы я писала статью сразу после «Женского монастыря», вряд ли мне удалось найти хотя бы одно слово, смягчающее резкость суждений хоть один теплый оттенок. Что это был за спектакль! Описать его в состоянии лишь перо фельетониста Критик тут и не нужен, и просто бессилен.

Дурное деяние требует отмщения, а этот спектакль — безусловно дурное деяние. Не так часто можно встретить подобное неуважение к публике, ориентацию на самые отсталые, какие только могут быть, вкусы. Чего стоят все эти оборванные, грязные, опустившиеся мужья. Эти огрубевшие, пьющие «на троих» женщины, эта молодая руководительница городской самодеятельности с приемами провинциальной львицы, обольщающая «молодого председателя горсовета», совершенно беспомощного, слащаво-сентиментального! А весь облик спектакля, где нельзя уже разобрать, что от накладки, что от замысла. Нельзя понять, где пародия на самодеятельный спектакль, где подлинное отсутствие профессионализма. Я не поклонница этой пьесы. И все же вряд ли стоит так вольно импровизировать текст, так непосредственно забывать его, так непринужденно опаздывать на выходы!

Сейчас прошло время, все несколько сгладилось. Я могу даже сказать, что актер Ю. Сагынц, игравший Наташина (играл он, правда, в том же бесконтрольном разухабистом стиле, который отличал весь спектакль), безусловно интересный актер. Даже в этом спектакле он действовал хотя бы с внешне четкой задачей. Его Наташин был откровенной пародией на традиционного оперетточного простака. Он танцевал и пел, как простак, и убегал за кулисы по-простаковски, поднеся руку и резко подтанцовывая. Он — весь воплощение оперетточного штампа, ликующее торжество штампа. Но, пародируя оперетту, он, по существу, пародировал и весь этот спектакль.

Но, увы, лишь только в калейдоскопе спектаклей мелькнет интересный актер или актриса и захочется посмотреть, что же они могут еще, как они исчезают в водовороте гастролей, втягиваются в двуязычи, трилязычи, и вам начинает казаться, что каждый спектакль играет как будто другой театр, потому что в каждом спектакле уже другие актеры. (Добавьте к этому еще и набросные отметки в программках, где галочка может стоять у знакомой фамилии, а на сцене — совсем не знакомый актер. Словом, несли на клетке слона прочтешь надпись «Буйвол», не верь глазам своим!).

Но вернемся к спектаклю. При всей своей ветхости и расхлябанности он претендует на музыкальность. Это почти оперетта. Там все поют и танцуют. Боже мой, зачем? Актеры опытные, мне кажется, чувствуют себя не слишком уж ловко. Хотят как можно скорее проскочить через музыкальный момент. А молодежь... Сцена в монастыре. Выходят в черных длинных одеяниях монахини. Медленная, важная процессия. Вдруг джазовые ритмы, монашские одеяния сброшены, на актрисах нечто среднее между спортивным костюмом и костюмом танцовщицы из мюзик-холла: обнаженные ноги необходимы театру для «впечатляющего» твиста. Я смотрю на веселые, задорные лица. Это студентки театрального училища и молодые актрисы. Они все делают с удовольствием. Но для искусства одного удовольствия мало. Со стороны это выглядит безвкусно, технически беспомощно. Жаль, что актрисы не видят себя из зрительного зала.

Я вовсе не против комедий, пародий, песен и танцев на драматической сцене. Ради бога, танцуйте, пойте, пародируйте оперетту и цирк, смешите зрителей, развлекайте его. Быть может, правы врачи и трагедия вызывает отрицательные эмоции. Но, пожалуйста, делайте только то, что вы делаете, не просто чуть-чуть лучше, чем большинство сидящих в зрительном зале, но профессионально грамотно. Хотите петь — сначала учитесь, а потом пойте. Чтобы зрители, одаренные музыкальным слухом, не опускали стыдливо глаза. Хотите танцевать — учитесь. Зрители не обязаны присутствовать при любительских опытах, доставляющих радость лишь тем, кто на сцене.

Ведь вы почему-то не пробуете делать сальто, если делать его не умеете? И для того чтобы показать синтетический спектакль (драма плюс цирк), как-то не принято брать напрокат льва из местного зоопарка. Лев — дело рискованное, сальто—тоже, а вот танцы и пение абсолютно безобидны. И потому — как выйдет, так выйдет.

То же самое в «Дамах и гусарах». Претензия на легкий музыкальный спектакль. И отсутствие профессионализма и вкуса. Подчеркивание игривых моментов пошлой жирной чертой. Отсутствие основного смысла, главной идеи спектакля. Будто комедия и не нуждается в этом смысле. Будто ее оправдание в том только, чтобы быть смешной.

В своеобразных условиях курортных гастролей зрителя завлекают афиши самых разных: Омский народный хор. Рязанский народный хор. Симфонический оркестр Кисловодской филармонии, старинные романсы в исполнении Галины Каревой, испанский певец Мичел, танцевальный ансамбль «Лазгинка», концерты Надежды Казанцевой. Эстрадного ансамбля польского радио и телевидения, крупнейший советский аттракцион «Слоны и танцовщицы», психологические опыты Михаила Куни, лекция врача-сексолога «Что должен знать каждый мужчина»... и т. д., и т. д. В своеобразных этих условиях, конечно, легко затеряться, уйти от критической оценки, проскользнуть незамеченным. Но ведь дело не в этом. В зале-то зрители. Одни — избалованные, требовательные театралы, они просто зря потеряют вечер и уйдут с ироническими улыбками. Другие — приехавшие из дальних небольших городов, из сел, деревень. Им не так уж часто приходится видеть театр. Обычно лишь во время глубинных гастролей. Их вкусы еще не установились, не отшлифовались. Некоторые из них могут подумать, что так вот и надо. Что таково и есть театральное искусство...

И тут опять я вспоминаю усталый автобус; ночной путь; людей пожилых и молодых, привычно дремлющих на сиденьях; атмосферу покоя, удовлетворенности.

Вот рабочие сцены, они грузили, разгружали, устанавливали декорации, потом грузили опять. Они сделали то, что должны были сделать. И сделали добросовестно. Теперь они могут дремать...

Вот администратор. Она приложила столько усилий, чтобы зрительный зал был полон, чтобы ни одна часть театрального механизма не подвела в сложных гастрольных условиях. И зал был полон. И трудности преодолены. Она дремлет, и на ее лице — сознание выполненного долга...

И актеры дремлют. Они играли на неудобной, крошачной сцене, где не разойтись, где три стражника — это уже целое войско. На фоне выцветшего голубого задника, среди жеваных бархатных кулис они старались представить и пышность двора королевы Елизаветы, и нищету темницы Марии Стюарт. Ради этого они затратили много сил и нервов. Проделали долгий путь. Они не получили творческого удовлетворения, пусть. Но они работали. И работа их была не из легких.

Как досадно, наверно, обидно, что столько усилий затрачено попусту. Без пользы искусству и даже во вред...

Деловые, финансовые гастроли. Для плана. И цель поставленная достигнута: план выполнен.

А что дальше? Высокое бескорыстное творчество! Но как в это поверить? Если на гастролях был возможен подход чисто деляческий (на будем бояться точных определений), то трудно предположить, что этот подход в обычные дни чужд коллективу.

Трудно понять иначе, почему руководство театра толкнуло коллектив на эти гастроли. Ведь театр перед отпуском уже гастролировал по своей области. Зачем нужно было вместо тщательной подготовки к открытию сезона, который должен быть, наконец, полноценным, ибо с самого начала театр играет в новом здании и ссылки на трудные условия уже невозможны, на два месяца увязать на утомительных и разблатывающие коллектив гастроли?

Театр «горел» у себя в Саратове! Нет. Финансовый план был в весьма приличном состоянии.

Творческое удовлетворение? Увы! На него не приходилось рассчитывать.

Желание продемонстрировать свои достижения зрителям иных городов и весей? Опять — увы и увы.

Кроме лишних денег и дурной, стыдной славы, театр не приобрел ничего. Если не считать, что весь коллектив и его молодежь в том числе чуть-чуть продвинулись за эти гастроли по пути циничного отношения к искусству, легкомысленного пренебрежения к зрителю. И попробуйте потом упрекнуть актера, что он недобросовестен и пренебрегает интересами театра. Он вам задаст резонный вопрос: почему вам нельзя поступать так, как поступает театр в целом? Почему он должен отказываться от заработков на сторона, например, ради каких-то там творческих идеалов, если театр пренебрег идеалами и не отказался от заработка?

Непонятно, почему управление культуры не посмотрело хотя бы, как выглядят те спектакли, с которыми едет театр. Почему на гастролях в зрительном зале я ни разу (вряд ли это простое совпадение) за семь вечеров не встретила главного режиссера В. Маниченского или кого-нибудь, кто мог бы потом сделать для коллектива необходимые выводы! («Все-таки глаз есть, — сказали мне, — на сцене — всегда кто-нибудь из членов художественного совета». Но много ли увидишь со сцены!).

Мне показалось, что отсутствие в зале лиц ответственных не случайно. Если бы главный режиссер смотрел, например, «Женский монастырь» в том виде, в котором мне довелось его видеть, он не смог бы позволить играть его снова и снова. Ведь существует же творческая совесть, через которую художнику трудно преступить...

* * *

Говорят, что позволено Юпитеру — не позволено быку. В данном случае мне хочется поменять местами быка и Юпитера: театр, подобный саратовскому, с его большими традициями, его значением в истории русской сцены нигде, никогда не может позволить себя скатываться до уровня «Женского монастыря», нигде, никогда не может унизиться до своеобразного творческого (или, скорее, нетворческого) браконьерства.

О финансовом плане думать, разумеется, надо. Но, может быть, можно одновременно думать о творчестве? Человеческий мозг, мне кажется, в состоянии решать эти проблемы в их связи, а не изолированно одна от другой.

Р. КРЕЧЕТОВА,
спец. корр. «Советской культуры».

КАВКАЗСКИЕ МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ.